

примать религиознаго міровоззрѣнія. Но как ни близко порой оно подходит к христіанству, есть в общем тонъ и настроеніи журнала — не в богословских идеях, которым здѣсь нѣтъ мѣста — нѣчто такое, что плохо совместио с христіанством. Основной его паѳос — радостное самоутвержденіе личности и вѣра в легкое торжество добра. Этот столь распространенный в Англии духовный поток (покойный Лоренс был его выразителем) рождается в оппозиціи к пуританскому христіанству и легко переходит в мистическій паганнизм. Во всяком случаѣ новая религиозность не знает грѣха и искупленія. В этом ее порок, который неизбѣжно оборачивается в политической сферѣ нечувствіем суровых реальностей жизни. Политика «New Britain» безтрагична и утопична. Она сама не знает, как ребенок, той силы зла, на борьбу с которой она возсталла. Увы, островное счастье Англии не избавит ее от горькой чаши, которую пьет мір. Классовая борьба неизбѣжно разобьет ее великодушную идиллію. Тогда революція предстанет в своем настоящем, жестоком обликѣ, и для рыцарей духа это будет тяжелым испытаніем их вѣры.

Г. Федотов.

ПЛАН ТРУДА

Как ни смутна наша переходная эпоха, можно все же установить основныя нужды ея, ищущія удовлетворенія. Эгоистическое своеволие, личное и групповое, смѣняется служеніем общему благу, утрированный индивидуализм — солидарностью.

В сферѣ экономической — переход от хозяйства, основаннаго на стяжательных инстинктах, к хозяйству, управляемому в интересах націи.

В сферѣ политической — установленіе власти, достаточно сильной, чтобы справиться с групповым своекорыстіем (в особенности — с финансовыми и промышленными феодалами) и способной произвести необходимыя преобразованія.

Но процесс этот сопровождается губительными явленіями, при-
нуждающими говорить о подлинной культурно-правовой катастрофѣ. Своего рода паразитическіе комплексы искажают порыв к дол-
жным переменам. Навязчивыя идеи обожествленія государства или расы знаменуют поправке личности и высших духовных цѣнностей. Со
всей яростью темнаго фанатизма, народы направляются, полным хо-
дом, в тупики — во имя идей, органически не связанных с основны-
ми потребностями нашего времени, но обладающих громадной пара-
зитической силой, объясненіе которой надо искать преимущественно
в «трагедіи» великой войны. Надежда на спасеніе — в странах, спо-

собных создать новый уклад, не впадая при этом ни в какую одержимость.

В прошлом номере «Нового Града» я посвятил статью нео-социализму, намечающему пути к социально-политическому преобразованию Франции.

Нынешняя статья, в большей своей части, посвящена бельгийской преобразовательной попытке, борьба за которую развертывается перед нашими глазами в маленькой стране, нередко оказывавшейся своего рода показательной лабораторией Европы.

Бельгийская политическая жизнь значительно отличается от французской. Имѣется лишь три больших партій: католическая, рабочая (социалистическая) и либеральная, которая гораздо слабѣ первых двух. Кабинеты отличаются устойчивостью, смѣняются рѣдко. Коалиция католиков и либералов, правящая страной, чужда мысли о глубоких реформах и отсиживается на охранительных позиціях. Дѣло, однако, не так просто, так как мощная католическая партія потрясается рѣзкой внутренней борьбой. Католическіе рабочіе синдикаты и молодежь охвачены стремленіем к рѣшительным переѣмам, хотя и не имѣют четкой, осознанной цѣли. С другой стороны, недавній министерскій кризис вызван в значительной степени «младо-либералами», требующими «управляемаго» хозяйства. Показателен громкій отклик, который сразу же получили выступления Брокаерта. Еще недавно лояльный член католической партіи, сенатор, б. батонье, б. министр, Брокаерт внезапно начал в прошлом году бурную кампанію против злоупотребленій «гипер-капитализма», против вмѣшательства финансовых кругов в политику.

Найти новые пути доведется, быть может, бельгийской рабочей партіи. Скажу, кстати, что названіе ея — отвѣчает дѣйствительности. В нее входят профессиональные союзы и рабочіе кооперативы, и она насчитывает около 600.000 членов: громадное цѣлое, обслуживаемое своими кооперативами, просвѣтительными учреждениями, спортивными организациями, которыми бельгийскіе рабочіе немало гордятся. Но за послѣдніе годы стала как будто ослабѣвать душа, оживлявшая это, на бельгийскій масштаб, гигантское тѣло. Как и повсюду, социалистическое движеніе уперлось в нѣкій тупик. Далекія цѣли тускнѣют, а повседневная работа, за послѣднее время неблагоприятная и зачастую неудачная, не дает воодушевленія.

Рост недовольства сказался в усиленіи, особенно молодежью, лѣваго крыла партіи, поддававшегося власти крайних лозунгов, призывов к революціонной борьбѣ, к бесплодным потрясеніям, что могло привести лишь к изоляціи рабочаго класса и усилению правых настроеній в странѣ. Господствовавшее реформистское крыло партіи, в отвѣтъ, усугубляло мелкотравчатость своей политики, давая подчас лѣвым словесное удовлетвореніе.

В результатѣ всего этого — топтанье на мѣстѣ, обезкураженность

народных масс, постепенно растущее разочарование в государственном строе, при котором, в тревожное и ответственное время, не находится выхода из положения. Постепенно и незамѣтно страна могла соскользнуть к какому-нибудь фашистообразному государственному перевороту. Не надо забывать, что социальное и политическое недовольство усугубляются в Бельгии острой национальной борьбой. Крайние фламандские националисты, т. н. фламниганы, перейдя от борьбы за государственный дуализм к явному сепаратизму, пытаются разложить католическую партию, опирающуюся, в большой степени, на фламандских крестьян...

Какия же средства у рабочей партии для исцѣления страны?

Она имѣет — план Де-Мана.

За послѣдние годы мысль невольно обращалась к автору «Преодоления марксизма» и «Конструктивнаго социализма». Казалось, что человек, поставивший во главу угла волевою дѣйственность в сочетании с духовным ростом и творческим усилением большого стиля, боец и мыслитель, призван стать вождем, котораго недостает современному социализму.

Живя послѣдние годы в Германіи, Де-Ман настойчиво указывал нѣмецким социал-демократам на их роковыя ошибки, но не мог преодолѣть косности лидеров, борющихся не с причинами зла, а лишь с симптомами его. Послѣ того, как катастрофа разразилась, Де-Ман вернулся в Бельгію. Его задачей стало найти для своей родины творческое преодоление хозяйственнаго и политическаго кризиса, спасти народное благосостояние и спасти демократическій строй. Идея эта нашла быстрый отклик.

Хозяйственный совѣт синдикальной комиссіи, возглавляющей бельгійские профессиональные союзы,¹⁾ обратился к Де-Ману с просьбой выработать план необходимых преобразований. Поручение это было выполнено. План, выработанный при содѣйствіи «Бюро Социальных Исследований»,²⁾ был одобрен «смѣшанной комиссіей (профессиональные союзы, кооперативы, партия, бюро), а затѣм 15-го ноября 1933 года представлен и защищен Де-Маном перед соединенным собранием генеральнаго совѣта рабочей партии и національнаго комитета синдикальной комиссіи. Единодушно одобренный, он был окончательно принят 25-го декабря конгрессом рабочей партии, с небывалым воодушевлением и единодушіем (563.451 голос при 8.500 воздержавшихся).

В чем же состоит самая идея «плана»?

Двуединная задача плана Де-Мана — преодоление хозяйственнаго кризиса и предотвращение кризиса политическаго, грозящаго демо-

1) Находящіеся в орбитѣ рабочей партии.

2) Создано самим Де-Маном при рабочей партии.

2) Создано самим Де-Маном.

кратическому строю. В кратком, лапидарном определении, конгресс рабочей партии ставит целью «осуществление плана хозяйственного преобразования, основанного на национализации кредита, главного средства для создания хозяйства, управляемого в целях развития покупательной способности масс населения, дабы обеспечить всем производительный труд и увеличить общее благосостояние».

Таким образом, задача ставится не в классовом, а в обще-народном плане. В соответствии с этим, конгресс обращается «ко всем классам населения, страдающим от современного хозяйственного бедствия и ко всем людям доброй воли, без различия партий и верований, для общего действия».

Исследуя причины крушения социализма во многих странах, Де-Ман отмѣчает охранительную, консервативную роль его. Защита существующаго положенія, которым, в сущности, все недовольны; пассивная оборона от натиска с двух сторон; борьба, шаг за шагом, против постепеннаго ухудшенія положенія рабочих, изолирующая их от нации... При всем этом, гибель социализма и демократіи становится лишь вопросом времени. Кризис, так сильно подорвавшій престиж капитализма, в то же время необычайно затруднил защиту самых насущных рабочих интересов. При объединеніи всех стран, распределеніе уменьшившагося національнаго дохода происходит все болѣзненноѣе.

Де-Ман усматривает одну из главных причин побѣды фашизма — в отходѣ социалистическаго движенія к слишком ограниченным целям, интересующим лишь индустриальный пролетаріат, между тѣм как растет недовольство средних классов, растет націонализм, растрываемый хозяйственный войной государств, и увеличивается слабость парламентских учреждений. И Де-Ман приходит к своей знаменательной формулѣ: «Не реформа распределенія, а реформа структуры».

В борьбѣ за структурныя реформы, социализм переходит от обороны к наступленію, централизуя все растущее общее недовольство, проводя назрѣвшія преобразования. Словом, он отказывается от принципа «наименьшаго зла» в пользу принципа большаго блага. Из обреченнаго на гибель — он становится непобѣдимым.

Но, возможен ли союз со средними классами? Де-Ман указывает на их анти-капиталистическую настроенность, иѣсколько иную, чѣм у рабочих, и дает этому свое объясненіе. Мѣняется характер и капитализма, и средних классов. От прогресса и расцвѣта капитализм перешел к регрессу и сжатію. Финансовый капитал завладѣл главными отраслями промышленности, свободная конкуренція смѣнилась фактической монополіей, космополитическое фритредерство — националистическим протекціонизмом. Вмѣсто конкуренціи производителей — конкуренція стран...

Глубоко измѣнились и средніе классы, появились новыя категоріи их. Принято было думать, с легкой руки Маркса, что мелкая бур-

жуазія постепенно ослабѣвает, сходит со сцены. Это было отчасти вѣрно примѣнительно к старым средним классам, но совершенно неправильно по отношенію к новым, которые растут численно. В противоположность этому, число рабочих уменьшается вслѣдствіе «автоматизаціи» промышленности, что является новостью громаднаго значенія. Пролетаризація старых средних классов носила персональный характер, пополняя пролетаріат все новыми выходцами из мелкой буржуазіи. Пролетаризація новых — носит характер коллективный, сказываясь в их объѣденіи, при чем их, основанное на іерархичности, чувство общественнаго достоинства лишь усиливается и растет их революціонное настроеніе.

Для старых средних классов характерна их социальная независимость, для новых — их подчиненность капиталу, их посредническая роль.¹⁾ Старые, борясь против режима свободной конкуренціи за режим монополій (воспоминанія о корпоративном строѣ), борясь против прогрессивнаго окантализма, играли в хозяйственной области реакціонную роль, при всем своем революціонном демократизмѣ. Новые, подавленные монополіей финансоваго капитала, встают против режима монополій, против капитализма регрессивнаго, за хозяйственную свободу, будучи, в то же время, зачастую политически реакціонными... Но финансовый капитал и объективно является сейчас центральной позиціей капитализма, господствуя и над хозяйством и, в большой мѣрѣ, над государством и парализуя борьбу рабочих за свои интересы. Поэтому анти-капиталистическое движеніе средних классов с рабочим классом и возможно и цѣлесообразно именно в этом пунктѣ. Как это ни странно, не революціонность, а умѣренность социализма отвращает от него средніе классы. От мелкой борьбы за свои повседневные интересы, чуждые средним классам, давно пора перейти к борьбѣ за радикальныя реформы экономического строя.

Эти реформы, лишив финансовый капитал его командных позицій, должны в то же время устранить основныя причины кризиса, уничтожив недопотребленіе, увеличив покупательную силу внутренняго рынка и побѣдив безработицу.

Слѣдует подчеркнуть, что рѣчь идет отнюдь не о созданіи социалистическаго строя, а лишь о строѣ промежуточном, — идея, столь «ужаснувшая» Л. Блюма на памятном июльском конгрессѣ 1933 года.

В интересах націи и при поддержкѣ ея, должна осуществиться «націонализація» (т.-е. установленіе режима «services publiques») финансоваго капитала и, как слѣдствіе, монопольных форм капитала индустриальнаго... основывающих свою подавляющую силу на силѣ финансо-

¹⁾ Отсюда их быстрый рост. Напримѣр, развитіе автомобильной промышленности в Соединенных Штатах создало нѣсколько сот тысяч лиц, обслуживающих со стороны автомобильное дѣло.

ваго капитала». (Разумѣется преимущественно сырье и двигательная сила).

Характерной чертой новаго строя будет раздѣленіе хозяйства на два сектора: государственный и частный. В первый, помимо банков, войдут каменноугольная промышленность, электрическая и часть тяжелой металлургии. Все остальное хозяйство составит частный сектор.

Что разумѣет Де-Ман под націонализацией? Ни в коем случаѣ не бюрократизацию. В Планѣ особо оговорено предоставленіе органам, руководящим хозяйством, исполнительных полномочій, необходимых для быстроты дѣйствій и для сосредоточія отвѣтственности, во избѣжаніе опасностей статизма.

Государство, уже играющее громадную роль в кредитной области, «увѣличивает зданіе», учреждая Кредитный Институт, автономную государственную организацию, которая замѣнит частную монополию кредита — монополией в интересах націи. Частные банки останутся, но Кредитный Институт получит, путем выкупных операций, контрольные пакеты и сможет руководить дѣятельностью банков и распределять кредиты, приспособляя производство к нуждам расширеннаго рынка. Комиссариат финансов, зависящій от законодательной власти, объединит управление кредитом и монетным режимом.

Что касается национализированных основных индустрій, законодательная власть создаст соотвѣтственные администраціи предприятий в видѣ консорціумов, точно так же получающих контрольные пакеты, при чем Кредитный Институт выдаст им довѣренность на соотвѣтствующія акціи, находящіяся в портфелях банков. Общее руководство принадлежит Комиссариату Индустрии, тоже отвѣтственному перед законодательной властью. Послѣдняя создаст также совѣщательный хозяйственный Совѣт при комиссариатах, с правом вносить предложенія в них и в парламент и контролировать дѣятельность комиссариатов и подвластных им органов.

Общей задачей управления обоими секторами будет согласованіе уровня производства и потребления, при повышеніи их обонх. Но управление частным сектором будет, разумѣется, вестись косвенным способом, путем кредитной, валютной, торговой и фискальной политики государства, а также установленіем условій труда.

В капиталистической части частнаго сектора будет поддерживаться расширенная конкуренція «в духѣ инициативы и изобрѣтательности, для развитія производительности, доходности и покупательной силы.

В «трудовой» части того же сектора, сохраняющей единство собственности и труда — поддержка этой собственности, для тѣх же обонх цѣлей.

Итак, «частная монополия кредита, подчиняющая хозяйственную дѣятельность погоня за частной прибылью, вмѣсто удовлетворенія

потребностей цѣлаго» составляет препятствіе к увеличенію покупательной способности населенія, и к увеличенію продукціи.

Бюро Соціальныхъ Изслѣдованій должно соответственно изучить возможность созданія плана, согласно которому емкость внутреннего рынка увеличится в 3 года на 50 фр., а в 5 лѣтъ — на 100 фр.

Познакомившись, в самыхъ общихъ чертахъ, с Планомъ Труда, читатель сразу же обратитъ вниманіе на наиболѣе оригинальную черту его: «раскрѣпощеніе хозяйства, возстановленіе конкуренціи. При этомъ, довольно логично, Де-Манъ исключаетъ изъ своего поля зрѣнія проблему корпоративнаго хозяйства.

Здѣсь, в самомъ дѣлѣ, надо выбирать. Корпоративный строй былъ гарантіей от недостатковъ этицизма, которыхъ Де-Манъ опасается настолько, что какъ будто изымлетъ управленіе хозяйствомъ из компетенціи правительства.

Молчаливо подразумѣвая, что в частномъ секторѣ будетъ господствовать психологія буржуазнаго либерализма, Де-Манъ какъ будто недооцѣниваетъ силу общаго духовнаго сдвига. Возможно, что онъ образуется со специально-бельгійскими условіями. Вѣдь, и соотношеніе финансоваго и индустріальнаго капитала не вездѣ таково, какъ в Бельгіи, — хотя бы во Франціи.

Л. Блюмъ писалъ недавно, что французскій финансовый капитал, в виду своей распыленности, не поддается мѣрамъ, пригоднымъ для иныхъ странъ. А в Германіи «капитаны промышленности» говорятъ, быть можетъ, болѣе властнымъ голосомъ, чѣмъ финансовые магнаты. Но Де-Манъ и не предлагаетъ своего Плана в качествѣ панацеи. Указывалось на нѣкоторыя аналогіи Плана с совѣтскимъ хозяйствомъ. Рѣчь, очевидно, можетъ идти лишь о нѣпѣ. Но нѣп, помимо ряда коренныхъ различій, былъ данъ со скрежетомъ зубнымъ, какъ вынужденная временная уступка, и проводимая при прежнемъ террорѣ и безправіи населенія. Подобныя сравненія лишь затемняютъ сущность дѣла.

Хозяйственныя преобразованія требуютъ, согласно Плану, предварительной политической реформы. Для преодоленія разнаго рода сопротивленій, для быстрой и плодотворной работы, государство должно стать сильнымъ и независимымъ от частныхъ вліяній. Соответственная экономическая и политическая организація обезпечитъ независимость и авторитетъ государства и общественныхъ учрежденій по отношенію к денежнымъ силамъ. Единная Палата депутатовъ упроститъ и приорируетъ к современнымъ нуждамъ свои методы работы. При выработкѣ законопроектовъ ей будутъ способствовать совѣщательные совѣты, изъ лицъ высокой компетентности. Разумѣется, конституціонныя свободы и всеобщее избирательное право останутся неизблѣнными.

Рабочая партія готовитъ кадры нѣсколькихъ тысячъ специалистовъ-руководителей и для агитаціи за Планъ, и для осуществленія его. Строится громадная организація, скрѣпленная и воодушевленная, и желѣзной дисциплиной. «Довѣренные люди», вожди секцій, торжественно обя-

зуются безоговорочным повиновением в борьбу за План. Агитация ведется во всех кругах населения с большим подъемом, но и с немалой гибкостью и тактом. О результатах говорить еще рано, но нельзя не отметить глубокого впечатления во всех кругах и классах. Очень показательно, что, хотя премьер, граф Броквиль, и нападает на «вредные утопии», но многочисленные голоса в буржуазной среде подчеркивают неожиданную для них умеренность Плана.

Официальные верхи католиков и либералов остаются всецело на своей охранительной позиции, но молодые элементы обеих партий — глубоко потрясены. Что касается рабочей партии — она преобразилась, как по волшебству. Еще вчера раздиравшаяся борьбой безкрылых реформистов с утопическими революционерами, она вновь обрела единство и воодушевление. Реформисты приветствуют практичность и немедленность преобразований; революционеры — их «структурный» характер. Их лидер, Спаак, на конгрессе, всецело присоединился к Плану: «Идея — сила Плана — в радикальной перемене наших целей. В средних классах, в классе рабочем — колебание, отчаяние. Почему? Потому что долгие годы мы держались обороны и отрицания. Невозможно поддерживать энтузиазм, сохранять надежды, ограничиваясь словом: нет!». И далее: «Если политические события не развиваются по линиям Маркса, это не значит, что мы не должны исправить свои позиции». — Из ответа ДеМана: «Вы приняли на себя большую ответственность, Спаак. Вы принадлежали к наиболее недовольным, и это было понятно. Теперь недовольные должны стать авангардом начавшегося действия». Общая овация была ответом. —

«Мистика» Плана быстро завладела душой широких рабочих масс и имеет шансы захлестнуть за пределы и партии, и класса. В соответствии с духом времени, «мистика» эта стимулируется идеей завоевания власти. Прославления ярко волевого начала, упор на ведущую элиту — в большой чести. Настроения эти, не разрушая демократического уклона, могут «омолодить» его, придав ему небывалую действительность.

Рабочая партия, отказываясь участвовать во власти, если План не будет принят, готова зато на союз с любой партией, группой, организацией — принявшей План. Со времени своего основания, партия неоднократно подчеркивала широко-гуманитарную сущность своей идеологии, но, как и повсюду, была заведена марксизмом. Теперь же, она решительно отказывается от своей пролетарской исключительности и для осуществления Плана создает фронт труда, проникнутый всенародно-освободительным порывом. Делается попытка создать подлинное обще-трудовое объединение. Крестьяне и интеллигенты, рабочие и чиновники, коммерсанты и техники, — «все люди доброй воли, без различия партий и верований» призываются создать сообщество более счастливую Бельгию. Одни — во имя приближения к социализму, другие — под знаком «*Quadragesimo Anno*».

Это не значит, что страна замкнется в своих национальных рамках. По самым свойствам своего хозяйства (ввоз сырья, вывоз фабрикатов), Бельгия не может думать об автаркии, да и де-Ман и партия не отказываются от своих международных идеалов. Но, при надрытвѣ международного хозяйства, при невозможности сговориться в рамках хотя бы европейских, остается лишь приложить усилия к преодолѣнію кризиса и созданію управляемаго хозяйства — в предѣлах национальных.

Невозможно предугадать, завершится ли успѣхом борьба за План Труда, получила ли он осуществленіе. Будем надѣяться, что да, — и ради маленькой Бельгии, и ради великой Европы.

Сергѣя Жабя.

Книги:

Н. А. СЕТНИЦКІЯ. О конечном идеалѣ. Харбин, 1932 (II+352).

На Дальнем Востока в Харбинѣ русская культурная жизнь не замирает, несмотря на тяжелыя политическія условія послѣдняго времени. В 1932 г. в этом городѣ напечатана большія книга преподавателя юридическаго факультета Н. А. Сетницкаго «О конечном идеалѣ». Первая часть ея содержит в себѣ формальныя основы ученія о конечном идеалѣ челоѣчества в связи с критикою книги проф. П. Новгородцева (б. профессора философіи права Московскаго университета) «Об общественном идеалѣ» и статьи проф. Н. Устрялова «Проблема прогресса». Новгородцев путем научнаго анализа устанавливает, что «антиномія личнаго и общественнаго начала» не устранима в предѣлах земнаго бытія: «Гармонія личности с обществом возможна лишь в том умопостигаемом царствѣ свободы, гдѣ безусловная

и всепроникающая солидарность сочетается с безконечностью индивидуальных различій. В условіях исторической жизни такой гармоніи нѣтъ и быть не может» (Об общественном идеалѣ, 3-е изд., стр. 141). Отсюда становится понятным констатируемый Новгородцевым факт «крушенія вѣры в совершенное правовое государство», а также вѣры в социализм и анархизм, вообще «крушеніе идеи земнаго рая». Относительной правды достижений современнаго правового государства, а также исканій социализма и анархизма Новгородцев не отвергает, но он устанавливает несоизмѣрность их с идеалом абсолютнаго добра. Поэтому, чтобы не попасть в безвыходный тупик, необходимо строить идеал земнаго общества, имѣя в виду «свободу безкончнаго развитія личности, а не гармонію законченнаго совершенства» (стр. 25).

Устрялов переносит вопрос о